

Приложение № 32 1948 г. – 1956 г. Воспоминания Занина П.

Новосибирск, Искитим, Тайшет (Озёрлаг).

С 1 июня 1948 г. тов. Занин находился в Новосибирской внутренней тюрьме областного управления МГБ СССР (ул. Коммунистическая, 47). Первоначально следствие вел капитан Евстигнеев Александр Иванович. Занину предъявили обвинение по ст. 58 (1б, п. 10 часть 2, п. 6). С самого начала следствия тов. Занин был помещен в одиночную камеру. На первом допросе Евстигнеев спросил у Занина, как он попал в плен и о других подробностях его военной жизни. Выслушав Занина, следователь не поверил ему. Потом заставил Занина объяснение изложить в письменной форме. С самого начала следствия Евстигнеев пытался запутать Занина. Часто применял физические формы воздействия (удушения, удары ногой в пах, удары по лицу). По делу Занина проходили три свидетеля. Это: Куликов Михаил Петрович, директор школы, где до войны учился Занин. Самсонов Павел Эммануилович, двоюродный дядя тов. Занина, счетовод колхоза „Богатырь Сибири”, Прищепа Мария, учительница соседнего совхоза им. Стаханова, который находился в 3-х километрах от деревни I-Новотроицк. Все три свидетеля подтверждали на следствии, что Занин вел антисоветскую агитацию, которая в частности заключалась в нелестных высказываниях в адрес колхозного руководства и в адрес лиц представляющих органы Советской Власти в д. I-Новотроицк. Примерно в середине августа 1948 г. капитан Евстигнеев ушел в отпуск. Дело Занина на этот период было передано следователю ст. лейтенанту Шонину Александру Ивановичу. Шонин не развивал тему начатую Евстигнеевым т.к. уже все было ясно следствию. Допросы носили издевательский характер. Шонин в отличие от Евстигнеева не трогал физически Занина. Но часто ставил ногу на табуретку и сквозь зубы плевал в лицо своего подследственного. Шонин вел следствие до 10 сентября 1948 г. вернулся из отпуска Евстигнеев и начал готовить дело Занина к суду. При этом следователь снял с Занина п. 6. Более 40 дней Занин сидел в одиночной камере (кам. № 41). Неоднократно переводили в другие камеры. В этих камерах Занину приходилось встречаться с такими как: Кариаухов Александр Иванович, с которым Занин встречался до этого, будучи в плену, в „Бухенвальде” в 1943 году; Дружинин Анатолий Петрович, кадровый офицер, который, попав в плен поступил на службу к немцам и, служив в казачьем легионе, командовал эскадром. В этой служил ст. надзирателем старшина Радионов. Как-то он спросил у Занина: „Почему тебе не дают передачи? Кто у тебя следователь?” Занин ответил, что следователь запретил за плохое поведение на следствии. Занин сказал также, что к нему с передачей приезжал его друг Иванов Кузьма Петрович. Но Иванову было отказано. Книг, бумагу, карандаш не давали. Иногда давали нитку и иголку. Занин попросил принести Радионова немного еды. Ст. следователь приносил потом иногда кое-что из

еды из дома. Суд над Заниным состоялся в Новосибирске примерно в середине октября. Прокурор Бессонов просил высшую меру наказания. Но адвокат повлиял на решение суда. Приговор суда гласил: 25 лет лишения свободы, 5 лет высылки и 5 лет поражения в правах. После суда, примерно 11 – 13 ноября Занин был отправлен в Искитимский всесоюзный штрафной лагерь. По прибытию в Искитим Занин прошел медкомиссию, которая, учитывая состояние его здоровья направила его в хозчасть, где Занин и находился до весны 1949 года. Писал плакаты вместе с Волковым Павлом Николаевичем, бывшим художником из г. Сталино Укр. СССР. Волков сидел по указу от 1932 года.

Потом опять медкомиссия. По её решению Занин был направлен на общие работы в известковый карьер. Там две недели он проработал стрелочником. Сошел с рельсов вагон. Занина обвинили во вредительстве. Потом отправили в карьер бить известковый камень. Две недели бил камень без кандалов. Потом их надели т.к. Занин имел 25 лет. 27 дней он этапировался на работу в кандалах. На ст. Ложки неоднократно грузили в вагоны известь в кандалах, несмотря на палящее летнее солнце. Респираторов не давали.

Начали из лагеря отправлять этапы на Колыму. Зэки (в основном из уголовников) начали умышленно калечить себя. Калечили и раньше, чтобы быть освобожденными от тяжелых работ. Васька Мордаков, в прошлом горный техник и также авторитетный человек в преступном мире, чтобы избежать этапа на Колыму попросил своих дружков, чтобы они сломали ему руку. Также среди уголовников пользовался большим авторитетом человек еврейской национальности по имени Гришка Сопля. Между уголовниками и политическими были частые стычки. Уголовники называли сидевших по 58-ой „контриками”. Но особой жестокостью отличались стычки между самими уголовниками. В ту пору в их мире, если так можно было сказать шла „гражданская” война. Нередко были сцены, когда пригонялся этап, а у ворот зоны воров уже встречали з/к уголовники из местного лагерного актива, которых остальные воров звали „суками”. Происходили ожесточенные побоища, которые заканчивались десятками смертей и множеством ран и увечий. При этом так называемые „суки” были вооружены ножами и пиками; об этом знала лагерная администрация. Охрана не реагировала абсолютно на эти ужасные сцены. Многие из з/к из числа политических нередко шли на самоубийство. Так некий Константин, бывший инженер то ли из Рязани, то ли из Ульяновска, 35 лет, работавший вместе с Заниным в одной бригаде, не выдержал изнурительного труда, издевательств охранников и уголовников, однажды бросился под вагонетку. В конце 1949 года Занина этапировали на ст. Кривошеково Ленинского района Новосибирска на тарный л/п. Туда в 1951 году к нему впервые приехал отец. Свидания не дали. Виделись мимолетом. В этом л/п Занин копал траншею (2,5 – 3,0 м. Глубиной) для водопровода и

канализацию. 2 – 3 недели работы. Не было больше сил. Болела раненая нога. У Занина появилась мысль сломать себе ногу. Но потом медкомиссия, учитывая состояние здоровья, перевела Занина и еще нескольких з/к в зону для работы в ширпотребе. Там Занин встретил своего односельчанина Самсонова Александра Ивановича, который был там надзирателем. Через месяц, примерно в середине февраля 50-го года Занин был вызван майором Жижиным, который был нач. отд. Контрразведки управления, в Новосибирскую внутреннюю тюрьму. Цель вызова: внести коррективу на счет п. 6. Дескать, произошла ошибка в следствии. Жижин вел изнурительные допросы. Морально и физически издевался. Неоднократно загонял иголки под ногти Занину. Однажды в кабинет к Жижину зашел Евстигнеев. Он уже был майором. Показал на майорскую звездочку и сказал: „Вот Занин за тебя дали ...” Жижин так ничего и не добился. Пункт 6 отпал. Потом Занин был отправлен этапом в „столыпине” в „Озерлаг”, в Тайшет. С запада этапировали уголовников. Полит. Сажали специально с уголовниками. Постоянно были стычки и поножовщина между уголовниками и политическими. Из внутренней тюрьмы один лишь Занин был этапирован в Тайшет. По прибытию Занина встретило трое конвойных. Через весь город вели с винтовками наперевес до пересылки. После формальных процедур определили в барак, где находились больные и инвалиды. На пересылке Занин находился 1,5 месяца. Потом его отправили в инвалидный лагерь на ст. Невельская. Там Занин находился месяц в зоне. Не работал. Потом был направлен в Вихоровку. Там он вначале выполнял чертежные работы на строительстве жилых домов. Еще в Невельской сняли инвалидность. Там врачи сказали ему, что в первую очередь они чекисты, а потом врачи. В Вихоровке капитан Климович, начальник л/п 042 несмотря на плохое состояние здоровья отправил Занина на общие работы. Но тот же Климович однажды, когда бригада строителей из з/к, в которой был и Занин, вела в его квартире ремонтные работы, уходя на службу наказал своей жене Розе, чтобы „накормила мучеников”. „А вы, – сказал он з/к, – чтобы там молчок”. Это было еще до смерти Сталина. Потом Занина и других з/к отправили в командировку на Ангару в район подготовки строительных работ Братской ГЭС. Работал в кессонах две недели. Потом врачи освободили его от этих работ в связи с обострением базедовой болезни. Потом Занин был отправлен в л/п 036, где начальником был майор Мишин. Садист. На разводе имел привычку ни с того, ни с сего бить кулаком по лицу зеков. За невыполнение нормы лишал пайка, сажал в карцер. Утром, после карцера з/к отправлялся на работу. з/к этого л/п занимались строительством гражданских объектов. Занин на этих работах катал тачку с песком, кантовал бревна. Потом Занин был направлен в л/п на ст. Чуя, где находился ДОК „Озерлага”. Делали брусовые жилые дома (3 – 4 дома в смену). Занин работал на пилораме. Потом Занин и еще несколько з/к были отобраны для обучения на бракеровщика.

Работал потом бракёром на балиндре. За смену приходилось переворачивать от 70 до 90 м³ досок. В августе 1953 г. из тайги пришел в ДОК страшный пожар. Сгорело около 300 з/к. Занин в это время со своей сменой находился в зоне после рабочего дня. Принимал участие в тушении пожара. Потом Занин заболел. Его перевели в тарный цех. Заготовливали дощечку для ящиков под снаряды (в документах она значилась как тара под клин). В это время умер Сталин. Завыли сирены, гудки. На время все з/к оставили работу. Большое количество надзирателей пришли на территорию рабочего объекта, видимо опасаясь, что будут беспорядки. Но на лицах большинства з/к были слезы. Кто плакал от горя, кто от радости. В глазах охранников появилась растерянность. Через месяц в зоне произошли изменения. Поставили железные койки с матрацами. Начали выдавать постельное белье. Заменяли одеяла, которые кишели паразитами. Перешли на хозрасчет. Улучшилось питание. Хлеб стали ложить на столах в тарелки открыто с расчетом на шесть человек. Охрана стала относиться к з/к более снисходительно. Даже иногда некоторые охранники угощали з/к махоркой. Весной 1953 г. Занин еще с двумя з/к ездил в командировку в г. Омск. Проезжал через родные места. С з/к были нач. ОТК Дока вольнонаемный, Краскин и двое конвоиров, перед отправкой с з/к взяли расписку, что в случае побега будут наказаны их ближайшие родственники. Летом 1953 года Занин заболел гепатитом. Его отправили как больного в центральную больницу „Озерлага“ на ст. Новочунка. Там тогда главврачом была капитан медслужбы Конопелько Татьяна Васильевна, – человечная, добрая женщина. Больница охранялась и была как л/п за колючей проволокой. Туда к Занину приезжал (после его выписки из больницы) в 1954 г. в октябре его отец. Дали 3 суток свидания. Нач. л/п на территории которого была больница был майор Миклухин. Занин работал в хозчасти. В это время администрация (КВЧ) стала организовывать из числа з/к коллективы художественной самодеятельности. Занин тоже участвовал в самодеятельности. Играл в спектаклях. Руководителем театральной группы был Кормилов Николай Осипович (или Иосифович), который до заключения был артистом-профессионалом, проживал и работал в Свердловске. В больнице Занин познакомился с з/к, который потом работал в л/п статистом. Его звали Барков Владимир Николаевич. Ему тогда было примерно 55 лет. Уроженец Москвы. До ареста в 1941 году являлся нач. протокольного отдела Наркомата иностранных дел. А в Чуне Занин был знаком с бывшим профессором Гольдородом Григорием Яковличем, в прошлом жителем г. Новосибирска. Позже, в 1966 году Гольдород проживал в Новосибирске, где Занин, тогда будучи в командировке случайно встретил его в очереди за яблоками. Гольдород умер в Новосибирске в начале 70-х годов. До этого преподавал там в пединституте. В настоящее время один из сыновей его живет в его квартире по адресу: Новосибирск пр. К. Маркса, дом 3а, кв. 3 (ост.

„Башня”). После смерти Сталина з/к осужденным по 58-ой статье давали на перевоспитание з/к из числа уголовников. До этого было наоборот. Однажды летом 1954 года один из уголовников явился с ножом к главврачу Кошпелько и угрожая потребовал освобождения от работы. Женщина заголосила. Произошла очень ожесточенная драка между политическими и уголовниками. Впервые победу одержали политические. Было убито 3 уголовников, десятки были ранены и покалечены.

Нач. КВЧ л/п был капитан, фамилию которого Занин уже не помнит. Это был (со слов Занина) порядочный, интеллигентный человек. В октябре 1954 г. зэк из бывших адвокатов, с которым Занина познакомил Барков, после беседы с Заниным написал жалобу от имени Занина в През. Вех. Сов. СССР на имя Ворошилова. Занин отдал жалобу. Занин отдал ее своему отцу, который в то время был у него. Тот тайно вывез ее и в своей деревне (I-Новотроицк) отдал Евсеенко Ивану Макаровичу. Евсеенко переписал ее и отдал отцу Занина. Тот отослал ее в Москву. В 1955 году осенью этапировали Занина во внутр. тюрьму в Новосибирск для пересмотра дела. По решению През. Верх. Совета СССР пересмотр вел подполковник МГБ Будачев, который был назначен МГБ СССР для пересмотра дел незаконно осужденных лиц по новосибирской области. До конца 70-х годов Будачев работал в Москве, в КГБ, имел звание генерал-лейтенанта. Будачев дважды вызывал Занина. Беседовал. Спрашивал обо всем тщательно. Потом исчез на целую неделю. Занин все это время нервничал из-за неопределенности, из-за того, что о нем забыли. В это время Будачев был на Родине Занина в д. I-Новотроицк. Там он проживал в доме родителей Занина около двух суток. Расспрашивал о Занине у его земляков. В это время Занин сидел в одиночке. При первом разговоре с Будачевом Занин заявил, что если он здесь на допросах увидит кого-либо из людей, которые вели следствие, то ни на какие вопросы отвечать не будет. Будачев сказал, что те люди уже определены на те места, которые они заслужили... Спрашивал у Занина о его жизни с того момента, когда тот был мобилизован. Спрашивал у Занина о том как с ним обращались следователи, которые вели его дело вначале. Будачев обращался с Заниным вежливо. Никаких грубостей, срывов. Занина часто посещал доктор т.к. он болел гепатитом. Кормили неплохо. После того, как Будачев закончил следствие, Занина перевели в общегородскую тюрьму, где он находился неделю. Занин стал возмущаться и требовать перевода в зону т.к. он являлся не подследственным, а осужденным. В середине февраля 1956 г. Занин был переведен в тарный лагерь под Новосибирском, в Кривощеково. На работы не брали. Там он встретил своего знакомого из д. Успенка Татарского р-на Новосиб. Обл. Коржежановского Николая Семеновича, который был расконвоирован и работал нарядчиком зоны и одновременно директором школы для малограмотных з/к. Там Занин 3 недели преподавал во 2-ом классе. Все в классе были из числа уголовников.

Туда к Занину в третий раз приезжал его отец. Дали 3 суток свиданки. В лагере в это время 60 человек ожидали пересмотра своих дел. Подавляющее большинство в зоне были уголовники. 1 марта в зону приехал знаменитый летчик, генерал Байдуков. Выступал перед з/к. Утром 2 марта Занину сообщили, что он реабилитирован. Вручили справку об освобождении. Дали немного денег на дорогу. На проходной Занина встретил Александр Самсонов, его дальний родственник.

Справка об освобождении за № 001805

„Освобожден по определению Военной Коллегии Верх. Суда СССР от 8 II 1956 г. по отмене приговора и по прекращению дела”.

До войны П. Занин окончил десятилетку. Хотел быть учителем немецкого языка и обучаться в институте по этой специальности. Немецкий знал почти в совершенстве, до призыва на фронт работал в школе учителем иностранного языка.

На фронте их часть была разбита немцами т.к. не хватало боеприпасов, многие красноармейцы вообще не имели оружия, одна винтовка-трехлинейка была на 10 человек. Одного убьют, тогда его винтовку берут другие, ждут своей очереди. Занин был контужен и попал в плен со многими бойцами его части.

Поместили их в полевой военный лагерь, это поле, огороженное колючей проволокой, охраняемое немцами. Комиссаров и евреев расстреляли. Занин бежал из лагеря. Это было нетрудно т.к. он выглядел как 12 – 13 летний подросток, намного моложе своих 18 лет. Немцы отпустили, как случайно попавшего в лагерь. Потом разобрались. Добирался к своим. Помогало знание немецкого языка и подростковый вид. Потом поймали, отправили в другой лагерь. Оттуда Занин тоже бежал. Опять поймали, теперь били и травили собаками. Как рецидивиста, не подчиняющегося немецким порядкам, отправили в Германию, в концлагерь „Бухенвальд”, везли в товарных вагонах. Обращались очень плохо, но Занину было легче, т.к. говорил с немецкой охраной из СС на их языке. Немцы таких эзков выделяли. Иногда давали хлеб, сигареты. Занин не курил, отдавал другим собратьям по несчастью. Кто попал в „Бухенвальд” должен был сдохнуть. Смертность там была страшная и плановая. У немцев все по плану.

Потом из „Бухенвальда” набрали бригады, в одну из них попал Занин, и отправили на карьер добывать камень, потом несколько сот заключенных, включая Занина, из „Бухенвальда” отправили в подземные шахты работать, где собирались на подземных заводах ракеты „ФАУ”.

Занин постепенно раздобыл гражданскую одежду, подготовил побег и бежал, выдавал себя за немца-подростка, у которого погибла семья. Добрался до границы Бельгии и Франции, ушел во Францию. Там познакомился с женщиной-француженкой, оказалась миллионерша, очень богатая. Стали

жить как муж и жена. Полюбили друг друга. Она откормила Занина, к нему вернулись силы. Потом, опять же через эту француженку Занин сошелся с подпольщиками из французско-бельгийского „Сопrotивления”, ушел в партизанский отряд, воевал там с немцами. Был награжден английскими, бельгийскими наградами за храбрость. Был пулеметчиком. В отряд русских хорошо брали из бежавших военнопленных. Они дрались отчаянно. Французы и бельгийцы их уважали, им поручали самые тяжелые задания. В отряде был летчик, русский, его сбили, плен, лагеря, побег, дальше отряд „Сопrotивления”. Он тоже был пулеметчиком. Однажды остался добровольно прикрыть отход отряда. Знал, что погибнет, шансов выжить – никаких, и остался.

Затем Занина тяжело ранили в ногу. Эвакуировали его в Англию. Лежал в Сосновом лесу недалеко от Лондона в госпитале королевских ВМС Англии. Это был рай, Занина подлечили и он отдохнул от войны. Там узнал и про „Победу”. У Занина было два пути: остаться во Франции и жить с француженкой или вернуться в СССР и там долечиваться. Сработала ностальгия, защемило послушать русских журавлей под русским небом. Выбрал второй путь, хотя жена-француженка не пускала и говорила, что России его ничего хорошего не ждет. Получил еще французские награды и на комфортабельном пароходе, в каюте люкс прибыл в СССР. Затем добрался до Сибири, до родного колхоза, что был в плену – не скрывал, где-как воевал, тоже не скрывал, носил иностранные награды, председателю колхоза говорил, что он дурак и жулик, в итоге донос и 25 лет лагерей.

В лагерях долго еще вспоминал свою француженку и её золотые слова, что русских журавлей можно слушать и под небом Франции, „действительно” с чашкой кофе в руках, а не с мисной баландой за колючей проволокой.

В новосибирской тюрьме некоторое время сидел в одной камере с начальником штаба Квантунской Японской Армии, обращение с ним было чуть лучше, чем с русскими. В Озерлаге встречал генерала Тодорского, тот был в лагерных „придурках”.

В 1951 году, весной, в апреле трое з/к из политических, работая на погрузке леса на ст. Вихоровка, совершили побег.

Их фамилии: Городецкий Иван (учитель), Сборщик Василий, Дураков Василий (студент пятикурсник из Ленинграда – в прошлом). Плутали неделю по заснеженному лесу. Вышли на лесной кордон. Лесник сообщил об их пребывании властям. В зону их пригнали прикладами, под лай овчарок. Они уже были избиты. Построили зеков. На их глазах опять избивали беглецов. Потом долго держали в карцере. Наконец увезли куда-то.

В связи с этим побегом пострадал хороший приятель Занина, Тютюников Владимир Васильевич. В прошлом ст. лейтенант кадровый из семьи знаменитого атамана Тютюника. Владимиру было тогда около сорока лет. Его

обвинили в организации побега т.к. он был дружен с беглецами. Держали его в карцере, били. Потом оставили в покое.

Весной 1950 г. в Тайшетской пересылке Занину довелось встретиться с Лидией Васильевной Руслановой. Она в то время там отбывала срок и руководила худ. самодеятельностью. Потом на ст. Невельской Занин встретился с мужем Руслановой, бывшим генералом Николаем Крюковым. Нары Занина и Крюкова находились рядом друг с другом. От Крюкова Занин узнал причины заключения Руслановой и Крюкова. Крюков и Русланова проходили по одному делу.

В Искитимском лагере, в Вихровке Занину приходилось наблюдать, как охранники молотками разбивали черепа умершим зекам перед их захоронением. Среди уголовников были случаи, когда вместо покойника за зону вывозился живой человек (оригинальный способ побега). И еще видимо охрана опасалась того, что потом когда-нибудь можно будет по останкам определить, что за человек там покоится.

Осенью, в 1951 году в Вихровку пригнали этап: 60 человек студентов из Ленинграда. Молодые люди (от 17 до 20) организовали якобы в Ленинграде подпольную организацию „Свободная Россия”. Распространяли листовки с призывом свержения кровавой диктатуры Сталина. Руководил ими якобы бывший редактор газеты „Красная звезда”, Ортэнберг и какой-то советский генерал. С первых дней ребята стали подбивать зэков к неповиновению, призывали не ходить на работу. Но, как среди политических, так и среди уголовников не было единства. Среди „контриков” были и честные (большинство) и такие, что были в прошлом полициями, бандеровцы. Уголовники грызлись между собой („суки” и воры, блатные) и с политическими. Сами ребята вели себя дерзко, не ходили на работу. Однажды ночью в их барак ворвались до сотни охранников с овчарками. Жестоко избили и куда-то увезли. Дальнейшая их судьба Занину неизвестна.

Занин П. о Дружинине Анатолии Петровиче.

В середине лета 1948 года тов. Занин находился под следствием и содержался в Новосибирской внутренней тюрьме. Содержался уже две недели в камере № 36 один, когда к нему в камеру поместили человека невысокого роста (примерно 170 см.), плотного телосложения, коренастого. Человек был подвижный, в жестах его и в разговоре проявлялась нервозность. Лицо у человека было нервное, желчное. Глаза цепкие, быстрые, темные. Нос короткий даже как будто тупой. Лицо полноватое. Волосы темно-русые без признаков облысения. Человек, естественно был коротко подстрижен, но залысин на лбу у него не было. На теле не было ни одной татуировки. Человек этот представился, как Дружинин Анатолий Петрович. Позже тов. Занину стало известно со слов самого Дружинина следующее: Дружинин Анатолий Петрович был примерно 12 – 13-го годов рождения. До войны кадровый

офицер-кавалерист. Воевал. Попал в плен. Потом служил у немцев в казачьем легионе в должности командира эскадрона. В 44-м в Югославии лично сам расстрелял трех пленных югославских офицеров, которые участвовали в нац.-освободительном движении. Но Дружинин, как он сам утверждал, ни разу не участвовал в каких-либо карательных акциях против мирного населения. Потом в конце войны вместе со своим эскадронам сдался американцам. Те обещали бывшим солдатам казачьего легиона, что им будут выданы соответствующие документы, после чего они будут отправлены либо в Канаду, либо в Бразилию. Но американцы нарушили обещание и пленных передали в руки советских военных властей. Дружинина и остальных под конвоем повезли в Союз. Затем на восток, в Сибирь. На Урале, в районе Нижнего Тагила Дружинину удалось бежать, пробив пол в вагоне. Он не говорил тов. Занину один ли он бежал, или не один. После побега Дружинин достает документы на чужое имя и устраивается инженером на стройку где-то на Урале. Летом 1948 года Дружинин по производственным делам направляется в командировку в город Новосибирск. Раньше срока выполнив командировочное задание, Дружинин едет в город Томск, где в это время проживал кто-то из его ближайших родственников, – то ли мать, то ли сестра. Занин говорит, что точно не помнит, как Дружинин говорил насчет визита в Томск, но говорит, что одной из двух: либо Дружинин заходил ночью в дом, либо только подошел к дому, а войти в него не решился. Видимо за Дружининым в это время следили так как через день на ж/д вокзале города Новосибирска к нему подошли трое мужчин в штатском и спросив его: „Вы Дружинин Анатолий Петрович“, арестовали. Дружинин сразу же был доставлен во внутреннюю тюрьму Новосибирского управления МГБ, где началось следствие по его делу. В течении двух недель Дружинина ночами уводили на допросы. Однажды днем тов. Занин вернулся с допроса и увидел, что Дружинин, поранив чем-то руку, своей кровью, жженой спичкой, что-то пишет на носовом платке. Потом Дружинин постучал в дверь. Надзиратель открыл дверь и Дружинин передал ему платок с просьбой отдать его следователю, который вел его дело. На следующий день после этого Дружинина забрали из камеры № 36. И с тех пор тов. Занин ни разу не встречал его и дальнейшая судьба Дружинина тов. Занину неизвестна.

Со слов отца записал Занин Сергей Петрович г. Томск, 1988 г.

Примечание:

Дружинин Анатолий Петрович 70-80 годы проживал в г. Томске „за Истоком“. Был человек плотного телосложения, невысокий с умным внимательным быстрым даже цепким взглядом. Чувствовалась, что говорит меньше, чем знает. Чувствовалось, что у него богатый жизненный опыт. Иной раз начинал говорить, хотел что-то рассказать, но внезапно осекался и уводил разговор в другую сторону, на темы нейтральные. В манере поведения – доброжелателен.

Из разговоров с ним выяснилось, что в 30-е годы проживал он в г. Томске, учился в Томском государственном Университете, но не закончил, так как был направлен на работу в следственный Отдел Томского Г/О НКВД. Там дослужился до старшего следователя и был направлен для прохождения дальнейшей службы на Запад, в пограничную часть в особый отдел. Как объяснял сам, в связи с напряженной международной обстановкой. Служил в качестве офицера. Когда сняли Наркома Ягоду, в части среди командиров – шок, особенно среди Особоотдельских, было собрание в клубе части, стреляли из „ТТ” и наганов в портрет Ягоды. Затем же по этому сценарию также поступили с бывшим Наркомом Ежовым, точнее с его портретом. Такая была ненависть к „врагам народа”.

О приближении войны знали, чуть ли не до конкретного дня, когда немцы начнут. По оперативным данным и по перебежчикам, да и жители той стороны границы кричали нашим об этом. Докладывали на „верх”. Оттуда – „Держите обстановку под контролем. Докладывайте.” Потом война! В боях участвовал, но сколько и как воевал, где воевал, Дружинин не рассказывал, говорил, что после войны схлопотал срок, 10 лет, за хозяйственные нарушения. Могли дать больше, но учли работу в органах. Полностью отсидел, раньше выпустили – не говорил. Вообще от этой темы уходил.

Затем работал в домоуправлении Тайгинской железной дороги, в г. Томске. Умер будучи пенсионером в 80-е годы в г. Томске.

Говорил, что Дружинины и род Дружининых ведет происхождение от сподвижника и друга Ермака казака Дружины.